

БРОДВЕЙ в царстве «массовой культуры» США занимает особое место.

Даже выдавшие виды американские журналисты не всегда в состоянии подобрать слова, чтобы охарактеризовать падение нравов на Бродвее. В газете «Нью-Йорк таймс» 10 апреля 1974 года была опубликована статья Фрэнка Борна, журналиста из штата Теннесси, под названием «Чтобы попасть на Таймсквер, поверните налево у Содома». Таймсквер, Бродвей, Сорок вторая улица не без оснований стали для многих американцев воплощением всех современных пороков. Развитие порнобизнеса сделало этот район — знаменитое некогда средоточие театрального искусства — центром совершенно иного рода.

Правда, в последнее время в американской печати появились сообщения о том, что бродвейские бизнесмены составляют планы реконструкции увеселительных заведений. Газета «Ивинг трибюн», издающаяся в Сан-Диего (Калифорния), писала, что группа бродвейских дельцов во главе с Робертом У. Уоттом, президентом «Бродвей ассоциэйшн», выдвинула проект замены порнографических предприятий игорными домами-казино в стиле Лас-Вегаса. Не следует думать, однако, что дельцы Бродвея устыдились аморальности порнобизнеса, — просто игорные дома кажутся им более выгодными источниками прибыли. Пока что городские власти не приняли закона о легализации игорных домов и порнобизнес по-прежнему процветает.

Что же касается кино и театральной жизни на Бродвее, то ситуация здесь не однозначна. Наряду с продолжающимся процессом коммерциализации кино, театра, писательского дела и литературы появляются новые, здоровые тенденции, связанные с развитием демократических традиций. Сказывается на культурной жизни и улучшение советско-американских отношений — чаще ставятся пьесы русских авторов, очевиден интерес деятелей культуры к советскому искусству и литературе.

«ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»: КИНО И КОММЕРЦИЯ

На Бродвее с успехом прошел фильм, поставленный по роману выдающегося писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби». В нем заняты великолепные актеры: роль Гэтсби исполняет известный мастер американского кино Роберт Рэдфорд, роль Дэйзи Бьюкенен — Миа Фарроу. Сценарий написал Фрэнсис Форд Коппола, постановщик «Крестного отца».

Критика оценила фильм весьма сдержанно. Когда смотришь на экран, убеждаешься в том, что режиссер и актеры пытаются не уходить от Фицджеральда. В фильме сохранен один из основных мотивов романа — осуждение культа денег. О Дэйзи один из героев книги и фильма говорит, что она «пахнет деньгами».

Экранизация безусловно смотрится с интересом. Зрители остро реагируют на ряд эпизодов, связанных с современными проблемами. Когда Том Бьюкенен останавливается у бензозаправки и платит каких-нибудь 25 центов за заправку, это вызывает в зале веселье, поскольку эта сцена прямо переносится с переживаниями владельцев автомобилей, вынужденных в период энергетического кризиса платить за горючее куда больше.

Просчеты же постановки связаны прежде всего со стремлением всячески оттенить моменты, сближающие американский «век джаза» с нынешней «сексуальной революцией». Желание пышно передать роскошь и разгул 20-х годов заслонило во многих случаях главные идеи Фицджеральда. В фильме, как справедливо говорит автор сценария Коппола, режиссер Д. Клейтон лишь расставил актеров, одев их в прекрасные костюмы и заставив на-

же до идеи романа, то они во многом исчезли за блестящим фасадом постановки, рассчитанной прежде всего на внешний эффект (она обошлась в 6 400 000 долларов).

Успех фильма сразу же был использован лозими коммерсантами для рекламы разного рода товаров — очень быстро я смог и сам убедиться в этом: в многочисленных магазинах, где торгуют галстуками, появились объявления, что в продажу поступили галстуки бабочкой «в стиле Гэтсби».

Газета «Нью-Йорк пост» от 20 апреля 1974 года сообщала, что сейчас среди наиболее популярных книг в бумажных переплетах на второе место после учебника половой жизни вышел роман «Великий Гэтсби». Я сам наблюдал, как в гостинице «Валенсия» в городке Ла Хойя около Сан-Диего студентка, работающая лифтером, читала Фицджеральда: на этот раз это был другой роман писателя — «Ночь нежна». Таким образом, фильм все-та-

ставить свою гувернантку на путь истинный.

Актеры Кристофер Пلامмер, Барнард Хьюз, Кэтрин Уокер, Фрэнсис Стерихаген, Рене Обержонуа — талантливые люди, но бродвейский коммерческий стиль, в котором они подаются проведением Чехова, оказался сильнее их. Автор пьесы Нил Саймон попытался создать стереотипную картину России в духе «развесистой клюквы», которая подчас назойливо вбивается в сознание американских читателей и зрителей людьми, не знающими русскую культуру.

Интерес к творчеству великого русского драматурга, который сейчас, в условиях улучшения советско-американских отношений, стал еще более живым, нередко используется в целях бизнеса. Постановщики нарочито смешивают детали: атрибуты царской

нешней буржуазной философии, которую в пьесе представляет профессор Джордж Мур. Он занят подготовкой и лекции на тему «Человек: хорош он, плох или индифферентен?», где поставлена «проблема» — что хорошего в хорошем? Псевдонаучные изыскания некоторых представителей английских и американских академических кругов изображены драматургом остро сатирически, и это находит отклик у аудитории. Однако в целом пьеса проникнута духом модернистской эстетики. Автор использует метафоры, весьма прямолинейные и вместе с тем нарочито шокирующие зрителя. Так, например, словесной акробатике Джорджа сопоставляет акробатина прыгунов. Не без основания Мел Гассо назвал в «Нью-Йорк таймс» Тома Стоппарда «словесным гимнастом».

Прыгуны выполняют и чисто зрелищную функцию. Они одеты в очень обтягивающие костюмы, подчеркивающие формы тела. Пролетая на люстре, одна из акробаток ухитряется совершить стриптиз, который, по мысли автора, символизирует собой, видимо, и стриптиз интеллигентный. Постановщик не забыл позаботить

торого деньги — единственный стимул жизни. Роль миллионера удачно играет Поль Сорвино. Пьеса вызывает бесспорный интерес публики, хотя и не всем нравится. Я слышал, как одна зрительница, выходя из зала, говорила своему мужу: «Разве все бизнесмены так вульгарны?» Более резкую позицию, чем эта дама, заняла в отношении пьесы Шницгала бульварная газета «Дейли ньюс». В рецензии Дугласа Уотта под названием «Американский миллионер» — бессмысленный фарс» говорится в первую очередь о том, что театр «Круг в квадрате» едва держится на ногах из-за отсутствия денег и тем не менее усугубляет свои трудности спектаклем «Американский миллионер». Рецензент осуждает попытку постановщиков высмеять миллионера. Рецензия заканчивается грозной фразой: «Американский миллионер» — это очень серьезная ошибка».

Таким образом, чуть на Бродвее возникает свежее дуновение, противоречащее устоявшимся требованиям коммерческого театра, как реакционная критика немедленно вступает в бой. Конечно, и в пьесе «Американский миллионер» не обошлось без бродвейских штампов: показывая примирение Натаниэла Шваба с женой, постановщики заставляют актеров изображать на сцене интимную близость. В данном случае дело не доходит до стриптиза, но реплики действующих лиц двусмысленны и рассчитаны на нетребовательное чувство юмора.

Посмотрев эти спектакли, я понял, почему наиболее талантливые американские драматурги не могут не выступать с убийственной критикой коммерческого подхода к искусству, воплощением которого по-прежнему остается так называемый «бродвейский стиль».

Движение против коммерциализации искусства уже давно привело к возникновению в Нью-Йорке так называемых «внебродвейских» театров.

В этих театрах, не обладающих средствами для привлечения актерских знаменитостей и роскошных постановок, идут серьезные спектакли, делаются попытки развивать реалистические традиции американского искусства.

Вне Бродвея явно чувствуется интерес к русской литературе, к современной реалистической драматургии США и Европы. Здесь, например, играют пьесу А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (под названием «Дневник негодая»). Поставлен «Дядя Ваня» Чехова в театре, который называется «Театр Дюма». Я хотел попасть на этот спектакль, но, к сожалению, в эти дни труппа не выступала. Меня поразило само здание театра: обычный жилой дом, на дверях подъезда написано от руки объявление, сообщающее, какие актеры заняты в спектакле. И внизу приписка: любая сумма, которая может быть пожертвована зрителями, будет с благодарностью принята труппой. Здесь нет яркой рекламы, нет даже афиши. Видно, что театр держится лишь на актерском энтузиазме.

В театре Майкла А. дель Медино, также вне Бродвея, идет спектакль «Максим Горький, портрет», получивший высокую оценку газеты американских коммунистов «Дейли уорлд». Обращение к Горькому очень показательно. На внебродвейской сцене идут сейчас многие пьесы Ибсена и другие спектакли, отражающие стремление к развитию реалистического и демократического искусства.

И это искусство бросает решительный вызов Бродвею.

Профессор Я. ЗАСУРСКИЙ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

БРОДВЕЙ -74



ки сыграл свою роль, пробудив в широких кругах интерес к книгам большого американского художника.

...БЕЗ ЧЕХОВА

Три спектакля, которые я посмотрел на Бродвее, пожалуй, точно отражают основные тенденции современной театральной жизни, сегодняшнего коммерческого театра в Америке. Это спектакли «Добрый доктор» (по мотивам произведения Чехова), «Прыгуны» Тома Стоппарда и «Американский миллионер» Маррея Шницгала.

«Добрый доктор» поставлен в театре Юджина О'Нила на 49-й улице. Полное название спектакля — «Добрый доктор. Новая комедия с музыкой». По мотивам рассказов Чехова».

Я пришел на дневной спектакль с небольшим опозданием, когда началось нечто вроде увертюры. На сцене расположился оркестр — гармошка, флейты, скрипки, виолончель, гитары, — исполнявший некое подобие русских напевов. На фоне двух изб. композиции из досок, икон и расставленных по дощатым стенам позолоченных фигурок актер Кристофер Пламмер (известный нам по фильму «Ватерлоо», где он исполнил роль герцога Веллингтона), загримированный под Чехова, прочитал небольшой монолог, очень далекий от духа чеховского творчества. Затем Пламмер продемонстрировал свою трактовку чеховского рассказа «Хирургия». Напомнив зрителям о том, что Чехов был врачом, Пламмер исполнил роль уже не Чехова, а деревенского эскулапа. На сцене появляется поп с перевязанной щекой. Пламмер покуривает сигару, а затем начинает тащить зуб. У Чехова все это изображено достаточно весело, и, казалось бы, трудно что-нибудь к этому добавить, но в бродвейском варианте фельдшер валит пациента на пол, прижимает его ногами к стене и выдирает все зубы.

Чеховский рассказ превращен в бурлеск, бесконечно далекий от Чехова. А портретное сходство фельдшера и автора «Вишневого сада» в изображении Пламмера лишь усугубляет недоразумение.

Не менее лихо обошлись авторы и с другими чеховскими рассказами. В «Размазне», как известно, гувернантку обчитывает хозяин. Поскольку в театре, видимо, не нашлось подходящего актера, то в инсценировке хозяйка заменила хозяйка, которая в отсут-

России и реалии советской действительности. С недоумением видишь, например, на герою Чехова ремень с бляхой, на которой изображен герб Советского Союза; избы, скамейки, деревянные скамьи в присутственных местах и прочая бытовая архаика изображают Россию такой, какой она представляется американским любителям экзотики. Великий русский писатель представлен чудачковатым простаком, изрекающим благоглупости.

Американская писательница Бел Кауфман, хорошо знающая и тонко чувствующая русскую культуру, заметила после спектакля, что ей было очень неприятно увидеть Чехова в подобном изображении.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ

СТРИПТИЗ

Если в театре Юджина О'Нила постановщики подогнали Чехова под бродвейские каноны, то в театре Билли Роуза была сделана попытка представить в ультрасовременном ключе пьесу «Прыгуны» английского драматурга Тома Стоппарда, написанную два года назад. Пьеса выдержана в сатирическом ключе: автор высмеивает современную западную цивилизацию. Она начинается со сцены, изображающей Англию в день выборов, на которых побеждает «либерально-радикальная партия». Английские профессора, поддерживающие эту партию, устраивают массовое представление, где выступают в роли «прыгунов» — акробатов в буквальном смысле и переносном — акробатов словесных. Спектакль представляет собой своеобразное соединение политической сатиры, иронических выпадов против профессорского гелтертерства с балетно-акробатическими номерами.

Автор явно стремится вы-



Кадр из фильма «Великий Гэтсби»

зрителей и другими пикантными моментами: жена Джорджа в то время, когда он занят подготовкой к лекции, в соседней комнате развлекается с его коллегой и предстает перед зрителями обнаженной.

В результате получился спектакль, в котором присутствует лишь видимость философской концепции. На деле же мысль автора, сатирический заряд тонут в чисто игровых моментах. Попытка серьезного осмысления буржуазной действительности, критика нравов академической среды свелись к обычным приемам коммерческого театра (хотя «Прыгуны» — постановка более серьезная, нежели упомянутый выше спектакль по Чехову). В «Прыгунах» происходит известное соединение приемов модернистского театра и бродвейских штампов. Она предназначена как для «высокообразных» поклонников авангардизма, так и для зрителей, жаждущих увидеть на сцене обнаженную актрису.

ТЕАТР

«КРУГ В КВАДРАТЕ»

Пьеса называется «Американский миллионер», театр — «Круг в квадрате». Автор пьесы — известный американский драматург Мэррей Шницгал. Главный ее герой — Натаниэл Шваб, миллионер, который овладевает манья преследования. Спектакль колоритно высмеивает нравы американских нуворишей, и автор пьесы не скрывает своего негативного отношения к бизнесу. Для него американский миллионер — это грубое, малонтеллек-